

ПЛАТОНОВ С. Ф. ИСТОРИЯ РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В НЕЗАВЕРШЕННОМ РАЗДЕЛЕ
КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА

Научное наследие С. Ф. Платонова продолжает привлекать внимание исследователей и читателей, свидетельством чему являются переиздания его «Лекций» [Платонов, 2005; Платонов, 2006; Платонов, 2008; Платонов, 2011], публикация первого тома полного собрания сочинений ученого [Платонов, 2010], эпистолярного наследия в 2 томах [Академик, т. 1; т. 2, кн. 1], материалов конференций [Научное наследие С. Ф. Платонова; Памяти академика С. Ф. Платонова].

Прошедший юбилей — 1150-летие образования Древнерусского государства, колыбелью которого по праву считается Новгородская земля, и трагическая дата — 80-летие со дня смерти (10 января 1933 г.) в ссылке выдающегося русского историка С. Ф. Платонова — достойный повод для обращения к заявленной теме. Разработка же проблем истории Великого Новгорода «князем науки» (так характеризовал ученого его современник, известный историк, общественный деятель, руководитель ряда научно-исторических обществ, председатель Археографической комиссии С. Д. Шереметев) является важным вкладом в историографию.

Научная карьера выдающегося отечественного историка С. Ф. Платонова достигла своего апогея в 20-е годы XX в. Это связано, прежде всего, с избранием его в 1920 г. академиком (двумя годами ранее он стал председателем Археографической комиссии), в 1925 г. он назначается директором Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук и, наконец, в 1929 г. академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук АН СССР. В это же время он продолжал активно работать над своими исследованиями, был полон новых замыслов. Свидетельством тому является намерение создать многоплановый труд по истории России XVII–XVIII в. в двух частях. 3 декабря 1929 г. (на рукописи указана и другая дата: 30.11) С. Ф. Платонов приступил к работе над своей частью задуманного коллективного труда (монографии, очерка) под общим названием «История России» и успел написать девяносто пять страниц рукописного текста¹. В отдельных местах встречаются напечатанные вставки. Текст имеет заголовок «История России» первые части коллективной монографии с приписками, пометами. 3 дек[абря] 1929 г.». С. О. Шмидт эту работу называет статьей (очерком), «заказанной ему для энциклопедического словаря Гранат» [Шмидт, 2010, с. 146; Шмидт, 2011, с. 17]. В. С. Брачев, конкретизируя, указывает, что она предназначалась для 36-го тома седьмого издания «Энциклопедического словаря» Русского библиографического института «Гранат», уточняет и название работы «Россия (история)» [Брачев, 2010, с. 177].

Широко известные слова С. Ф. Платонова: «Переворот 1917 г. поставил меня снова в ряды повседневных работников»², были перефразированы В. А. Колобковым: «Революционные события 1917 года... вернули историка в число каждодневных работников» [Колобков, с. 490]. Действительно, все 1920-е годы С. Ф. Платонов находился на этапе творческого подъема, когда из-под его пера выходили одна за другой работы, посвященные многим проблемам отечественной истории, задумывались упомянутые выше крупные исследования. Косвенным подтверждением тому является констатация авторами «Записки об ученых трудах профессора Сергея Федоровича Платонова» факта, что «и по настоящее время он (С. Ф. Платонов. — В. М.) одушевлен горячим желанием приступить к новым научным предприятиям» [Успенский, Бартольд, Нитинский, с. 7].

¹ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1334. Л. 1–95.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 133. Оп. 1 а. Д. 9. Л. 62.

Как видно, неоконченная часть монографии так заинтересовала исследователя, что она писалась быстрыми темпами. Хотя обстановка не способствовала творческому вдохновению: личное горе — недавняя смерть жены (11 июня 1928 г.) и самого выдающегося ученика А. Е. Преснякова (30 сентября 1929 г.), вынужденная отставка академика 9 ноября 1929 г. со всех административных должностей учреждений Академии наук, начало арестов учеников и сподвижников — «Академическое дело» уже началось как в столице, так и в провинции против его коллег по краеведческому движению, а вскоре, 12 января 1930 г., ученый и сам будет арестован вместе с двумя дочерьми. Но и в этих трагических условиях он продолжал работать с большим интересом, о чем свидетельствует объем написанного текста, в котором повествование доведено до смерти братьев великого князя Василия III³. Возможно, он хотел отвлечься от разворачивавшихся вокруг него событий, самым же лучшим средством для этого было занятие любимым делом. В. С. Брачев, привлекая черновой текст письма С. Ф. Платонова к сотрудникам издательства «Гранат» А. К. Дживилегову и И. И. Шитцу, указывает на его подавленное состояние: «душа к ней (этой работе. — В. М.) не лежит, очень уж трудно живется» [Брачев 2010, с. 177–178], и на то, что ученый склонялся вообще отойти от дела, указывая на М. К. Любавского и С. В. Бахрушина как на возможных своих преемников.

При этом следует отметить, что названный неоконченный труд уже был предметом сравнительного анализа. Так, В. С. Брачев сопоставил выводы С. Ф. Платонова по ряду принципиальных вопросов российской истории, изложенных им в «Лекциях» и названной рукописи, и пришел к заключению, что автор восполнил пробел своих университетских лекций в части «о догосударственных образованиях у восточных славян», признал факт существования «крупной частной собственности» в Киевской Руси, углубил представления о «причинах распада» Древнерусского государства, пересмотрел свой взгляд на оценку «монголо-татарского завоевания», но остался на своих прежних позициях в вопросах «возвышения Москвы и образования Московского государства» [Брачев, 2010, с. 177–183].

На протяжении десятков лет С. Ф. Платонов высказывал оригинальные точки зрения по многим вопросам новгородской истории, отличные от устоявшихся мнений своих предшественников, в том числе Н. И. Костомарова, И. Д. Беляева, В. О. Ключевского и др. Например, по вопросам летописных источников новгородского происхождения, возникновения города, проблем его обособления, периода самостоятельного развития, подробно им разработаны вопросы управления республикой (вече, совет господ, функции князя, посадника), социальной структуры, экономического и культурного развития. Именно эти умозаключения и являются ценным приумножением историографического знания. В неоконченном труде этим проблемам отведено также немало места — 9 листов рукописи (Л. 39–47). Работа носила общий характер и была посвящена основным этапам истории России с древнейших времен, ее объем не позволял углубляться в конкретизацию событий и процессов. Но, несмотря на определенную краткость, а следовательно, неполноту сведений, эту часть работы следует рассматривать как подведение итогов по проблемам истории Великого Новгорода [Митрофанов, 2004; Митрофанов, 2005; Митрофанов, 2008; Митрофанов, 2009а; Митрофанов, 2009б; Митрофанов, 2011б]. С учетом отмеченных обстоятельств рукопись представляет ценнейший историографический материал о взглядах ученого на ряд проблем отечественной истории, в том числе и на вопросы истории новгородского государства.

В историографии неоднозначно оценивается роль С. Ф. Платонова в исследовании названных вопросов новгородской истории. Еще при его жизни об этом говорил Е. П. Трифилев,

³ Последняя фраза: «В заключении оба князя (Юрий и Андрей) умерли и из всего княжеского рода остались в живых только...» (РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Л. 95). С. О. Шмидт увидел в этом роковое совпадение, написав: «Особый смысл обретает последняя незавершенная фраза очерка» [Шмидт, 2010, с. 146].

подчеркивая, что ученый «особенно хорошо изложил историю Новгорода» [Трифильев]. Первым, кто согласился со многими выводами С. Ф. Платонова относительно промышленного характера хозяйства, сложившегося на Севере, были А. А. Савич и С. В. Рождественский [Рождественский; Савич, с. 26].

Следует отметить, что еще в середине 40-х годов XX в. мнение С. Ф. Платонова о начальной истории Новгорода Великого активно поддержал Н. Г. Порфиридов — известный знаток новгородской старины [Порфиридов, с. 13]. Начиная с 50-х годов XX в. оценки С. Ф. Платонова по проблемам истории Великого Новгорода стали предметом внимания отдельных исследователей. Так, Л. В. Данилова обвиняла С. Ф. Платонова в «грубой модернизации исторического процесса», которая «нашла отражение в трактовке вопросов новгородской истории XIV—XV вв.» [Данилова; Пронштейн, с. 7]. Исследовательница не поддержала положение С. Ф. Платонова о капиталистической эксплуатации в новгородских землях еще в XV столетии. А. П. Пронштейн отрицал новизну, привнесенную С. Ф. Платоновым в понимание проблем новгородской истории. В книге о Новгороде XVI в., касаясь «неправильных», по его мнению, взглядов С. Ф. Платонова, ученый пишет, что тот «не желал видеть в древнем Новгороде развитого ремесленного производства» [Пронштейн, с. 166]. В сборнике, вышедшем в начале 60-х годов XX в., отмечается, что «Пушкарев следует за Платоновым в раскрытии консервации в Великом Новгороде политического строя, социальной структуры, в характеристике новгородских крестьян как капиталистических арендаторов» [Критика буржуазных концепций, с. 266].

Объективную оценку С. Ф. Платонову в вопросах рассмотрения истории Новгорода дает В. Н. Бернадский в своем «капитальном труде». Он поддержал исследователя в том, что «почин и руководство в колонизационном движении Новгорода на Север принадлежали верхним слоям новгородского общества — боярству и житейным людям», разделяя его мнение о капиталистическом характере боярских вотчин [Бернадский, с. 61, 63]. С. Ф. Платонов, вопреки устоявшимся в современной ему историографии мнениям, первым выдвинул это предположение. В. Н. Бернадский, проявляя научную принципиальность и признавая за С. Ф. Платоновым значимый вклад в разработку новгородской темы, неоднократно ссылается на «отвергнутого» властью ученого [Бернадский, с. 61, 63].

А. Н. Цамутали полагает, что С. Ф. Платонов лишь в «общих чертах освещает историю Великого Новгорода», следуя за В. О. Ключевским [Цамутали]. А. Н. Фукс же, напротив, считает, что С. Ф. Платоновым сделан «большой шаг вперед» в раскрытии «новгородской темы» [Фукс]. В. С. Брачев утверждает, что «нельзя не признать большей глубины и определенности суждений С. Ф. Платонова о причинах падения Новгорода по сравнению с В. О. Ключевским» [Брачев, 1993; Брачев, 1994]. В более поздней работе В. С. Брачев делает акцент именно на это обстоятельство: «Принципиально важное значение имеют расхождения С. Ф. Платонова с В. О. Ключевским в оценке причин падения Новгорода» [Брачев, 2010, с. 176]. Сегодня выявлены работы ученого, программы чтений, конспекты лекций по этой проблематике [Митрофанов, 2004; Митрофанов, 2005; Митрофанов, 2009б; Митрофанов, 2011а, с. 23–68].

Е. Н. Швейковская в целом поддержала выводы С. Ф. Платонова о новгородской промысловой колонизации Поморья, роли в этом процессе новгородских бояр, демократическом характере созданной там системы местного управления. При этом сложно согласиться с данной ею оценкой сборника «Прошлое Русского Севера» [Платонов, 1923а] как статей в целом «обзорного, просветительского, научно-популярного характера» [Швейковская, с. 271–272], поскольку именно в очерках, его составивших, была конкретизирована и обобщена та историографическая новизна по проблемам истории Великого Новгорода, которая была

сформулирована С. Ф. Платоновым в целом ряде более ранних работ [Платонов, 1901/1902; Платонов, 1923б], докладах [Известия IX Археологического съезда, с. 9], программах⁴, в том числе для Павловских курсов [Программа, 1903; Программа, 1905; Программа, 1906], научно-популярных лекциях, прочитанных в древнем городе [Платонов, 1916; Платонов, 1999б; Платонов, 1923б; Платонов, 1929], Пскове [Платонов, 1900], Твери [Лекция по русской истории], многочисленных рецензиях и отзывах [Платонов, 1888; Митрофанов, 2011а, с. 245–251; Митрофанов, 2010; Бухерт].

Заметим, что мы не делаем ссылки на классические труды историка, где, как известно, проблемам истории Новгорода уделено большое внимание.

С. Н. Филимончик обратилась к вопросу изучения С. Ф. Платоновым и его учениками истории Карелии (эта территория была составной частью Поморья и, следовательно, владений Новгорода Великого) [Филимончик].

Отмеченные выше обстоятельства с очевидностью позволяют не согласиться с мнением Н. В. Халявина в последней части, который, обосновывая свой взгляд на периодизацию отечественной (читай советской. — В. М.) историографии по новгородской истории (первый период: 1917 — первая половина 50-х годов XX в.), отметил: «В первые послереволюционные годы еще продолжали выходить труды крупнейших историков “старой школы” (С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, П. Н. Милюков), но это были редкие разрозненные публикации» [Халявин, 2000]⁵. Складывается впечатление, что исследования С. Ф. Платонова по истории Великого Новгорода Н. В. Халявину знакомы не все, тем более что это «не разрозненные публикации», как утверждает он. Но упомянутый автор и в последних своих работах, посвященных истории Новгорода Великого, имя выдающегося историка не упоминает [Халявин, 2005; Халявин, 2012].

Большинство же современных исследователей высоко оценивают вклад С. Ф. Платонова в историографию вопроса Великого Новгорода. Следовательно, выводы, содержащиеся в исследованиях последних лет, позволяют признать за С. Ф. Платоновым значительный вклад в историографию вопроса, а самого ученого причислить к знатокам новгородской истории.

Публикуемый отрывок незавершенного труда, как и краткий параллельный сравнительный анализ ранее сделанных выводов С. Ф. Платонова, дает возможность констатировать, что основные положения в отношении истории Великого Новгорода, в частности периода обособления, формирования республиканского строя, организации управления, социального строя, не претерпели серьезных изменений.

Мы можем наблюдать только отдельные терминологические новшества, носившие принципиальный характер («хутор», «смена аристократии княжеской на аристократию капитала», «городские рабочие», «рабочее население»), не встречавшиеся ранее и, по всей видимости, вводимые под влиянием советских перемен, в том числе нэповских веяний. При этом они определенно усиливают ранее сделанные выводы о капиталистическом характере экономической и общественной жизни Новгородского государства. На это указывают и вклеенные печатные вставки из опубликованных работ (в публикуемом тексте мы выделяем их квадратными скобками).

⁴ Например, программа для курсов сельских учителей, организованных новгородским земством, под названием «История Великого Новгорода в XII–XVI вв.» была рассчитана на 8 лекций (РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5002. Л. 13).

⁵ Заметим, что здесь не указан, например, А. А. Кизеветтер [Кизеветтер]. А в обширном списке (614) источников и используемой литературы к диссертации упомянуты всего 3 работы С. Ф. Платонова [Платонов, 1915; Платонов, 1922; Платонов, 1923а]. При этом вторая из них вошла в известный сборник «Прошлое Русского Севера», однако другие работы [Платонов, 1923б; Платонов, 1929; Платонов, 1999а, с. 186] упомянуты не были.

В рукописи Новгород упоминается и в других местах, когда автор пишет о походе московского князя на Дон против Мамая: «Весь поход на Куликово поле вел Дмитрий Донской своими только силами без помощи Новгорода и крупных удельных князей»⁶.

Как отмечено выше, характер работы наложил определенный отпечаток на порядок изложения новгородской истории. Здесь не встречаются упоминания о новгородском летописании, происхождении города, колонизационных направлениях, об административном устройстве самого города и его владений говорится мимоходом, кратко характеризуются социальный строй, основные направления торговых путей. При этом уделено достаточно внимания управлению Новгородским государством, устройству веча, взаимоотношениям основных политических институтов, причинам падения республиканских порядков. Если в период расцвета республиканских порядков, по наблюдениям исследователя, вече сосредотачивало всю политическую власть, то на закате самостоятельного развития государства оно превращается в «скопище». А среди причин падения указывается попрание «закона и права» со стороны бояр. Это не отход от ранее сделанных наблюдений, а новый взгляд, в котором видна определенная аналогия с советской действительностью — с трансформациями в политических институтах, происходившими в стране в конце 20-х годов XX в., когда и закон, и право не только попирались, но и перестали быть элементом законности. За этим чувствуется предостережение историка о том, что неповский период быстро вырождается в тоталитарную диктатуру, которая губительна для государства (аналогия с причинами падения Новгородской республики). Предостережение оказалось пророческим, а исследователь оказался в заключении, а затем и в ссылке, где на себе испытал репрессивные жернова тоталитаризма.

Литература

- Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С. О. Шмидт. (Письма С. Ф. Платонова, 1883—1930 / Сост. В. Г. Бухерт). М., 2003. Т. I.
- Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х т. / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. (Переписка С. Ф. Платонова и П. Н. Милюкова, 1886—1901).
- Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
- Брачев В. С. Великий Новгород в освещении С. Ф. Платонова // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. научной конференции, 16—18 ноября 1993 года. Новгород, 1993. С. 29—31.
- Брачев В. С. С. Ф. Платонов — член Новгородского общества любителей древности // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тез. докл. и сообщ. научной конференции, 15 ноября 1994 года. Новгород, 1994. С. 122—125.
- Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010.
- Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов о Шелонской военной операции // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 245—251.
- Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955.
- Известия IX Археологического съезда в г. Вильне. Вильна, 1893. № 11.
- Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Кн. 1.
- Колобков В. А. Жизненный путь историка // Платонов С. Ф. Под шапкой Мономаха. М., 2001. С. 467—502.
- Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962.
- Лекция профессора Платонова в г. Новгороде // Новгородские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 455—459.
- Лекция по русской истории проф. С. Ф. Платонова, читана на тверских церковно-археологических курсах 28—30 мая 1912. Тверь, 1913.

⁶ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Л. 64.

- Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002.
- Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и Новгородское общество любителей древности // Клио 2004. № 2. С. 189–200.
- Митрофанов В. В. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С. Ф. Платонова. Нижневартовск, 2005.
- Митрофанов В. В. Подготовительные материалы к докладу «Об огнищанах» С. Ф. Платонова // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г.: в 2-х ч. М., 2008. Ч. 2. С. 473–475.
- Митрофанов В. В. Проблемы истории Новгорода Великого в публичных лекциях и переписке С. Ф. Платонова // Клио. 2009. № 1. С. 20–31. (Митрофанов, 2009а)
- Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов о государственном и общественном строе Великого Новгорода // Федерализм. 2009. № 4. С. 193–198. (Митрофанов, 2009б)
- Митрофанов В. В. «Для нашей военной истории сделано очень мало»: Письмо С. Ф. Платонова Д. А. Скалону. 1915 г. // Исторический архив. 2010. № 5. С. 207–212.
- Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и научные общества, архивные комиссии России. Челябинск, 2011. (Митрофанов, 2011а)
- Митрофанов В. В. Проблемы истории Новгорода Великого в отзывах и рецензиях С. Ф. Платонова // Новгородика — 2010. Вечевой Новгород: Материалы Международной науч.-практ. конф. 20–22 сентября 2010 г. Ч. 1 / Сост. Д. Б. Терешкина. Великий Новгород, 2011. С. 140–149. (Митрофанов, 2011б)
- Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика С. Ф. Платонова. Нижневартовск, 2010.
- Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб., 2011.
- Платонов С. Ф. Рец.: Сенигов И. Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1888 // Библиограф. 1888. № 11. С. 362–370.
- Платонов С. Ф. Причины смутного времени Московского государства в XVI–XVII вв. и отражение его в Пскове (Из публичной лекции профессора С. Ф. Платонова, читанной в г. Пскове 19-го марта 1900 г. в пользу Псковского Археологического Общества). Псков, 1900.
- Платонов С. Ф. Об указателе к новгородским писцовым книгам // ЛЗАК за 1895–1899 г. СПб., 1901/1902. Вып. 12. С. 66–67.
- Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Изд. 9-е, испр. Пг., 1915.
- Платонов С. Ф. Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 г. и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. Конспект лекции, читанной в 1909 г. 2-е изд. Новгород, 1916.
- Платонов С. Ф. Очерк новгородской колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Петербург, 1922. Вып. I. С. 26–37.
- Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Петербург, 1923. (Платонов, 1923а)
- Платонов С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. М., 1923. С. 1–10. (Платонов, 1923б)
- Платонов С. Ф. Проблема русского Севера в новейшей историографии // ЛЗАК за 1927–1928 г. Л., 1929. Вып. 35. С. 105–114.
- Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1.
- Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е изд. М., 1995.
- Платонов С. Ф. Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. (главные положения, извлеченные из лекции 12.04.1909 г.) // Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 186–188. (Платонов, 1999а)

- Платонов С. Ф. Из истории Великого Новгорода и Москвы при Иване IV (Конспект лекции, прочитанной в Новгородском обществе любителей древности 5.IX.1912) // Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII вв. С. 189—191. (Платонов, 1999б)
- Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2005.
- Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2006.
- Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2008.
- Платонов С. Ф. Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 2010. Т. I.
- Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 2011.
- Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.; Л., 1947.
- Программа чтений по русской истории профессора С. Ф. Платонова «Удельный порядок и образование государства в Северо-Восточной Руси (XII—XV вв.)» // Русский начальный учитель. 1903. № 4. С. 415—416.
- Программа чтений по русской истории проф. С. Ф. Платонова // Русский начальный учитель. 1905. № 8—9. Приложение. С. 1—4.
- Программа чтений по русской истории на курсах в Павловске осенью 1906 года // Русский начальный учитель. 1906. № 7—8. С. 241.
- Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957.
- Рождественский С. В. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV—XVI веков // Известия АН СССР. 1929. № 2. Ч. 1. С. 49—70; Ч. 2. С. 135—154.
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927.
- Трифильев Е. П. Тридцатилетие научно-педагогической деятельности профессора Сергея Федоровича Платонова. Одесса, 1913.
- Успенский Ф., Бартольд В., Нитинский А. Записка об ученых трудах профессора Сергея Федоровича Платонова // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. Пг., 1920. Т. XIV. С. 7—8.
- Филимончик С. Н. Деятельность С. Ф. Платонова, его сподвижников и учеников по изучению истории Карелии в 1920—1930-е годы // Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения академика С. Ф. Платонова. Нижневартовск, 2010. С. 44—51.
- Фукс А. Н. Сергей Федорович Платонов. Краткий историко-биографический очерк // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 34.
- Халявин Н. В. Политическая история Новгорода Великого в отечественной историографии: 1917—1990-е гг. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2000.
- Халявин Н. В. Новгородские вечевые собрания в отечественной историографии новейшего времени // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2005. № 7. С. 3—25.
- Халявин Н. В. Вопрос об административно-территориальном устройстве Новгорода в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. Вып. 3. С. 82—87.
- Цамутали А. Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // НИС. Л., 1982. №1 (11). С. 96—112.
- Швейковская Е. Н. С. Ф. Платонов и изучение русского Севера // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 267—275.
- Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов—ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010.
- Шмидт С. О. К юбилею С. Ф. Платонова // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, С. О. Шмидт. СПб., 2011. С. 10—20.

С. Ф. Платонов

«ИСТОРИЯ РОССИИ» (первые части коллективной монографии с приписками, пометами. 3 дек[абря] 1929 г.)

Новгород Великий изначала считал своими земли, лежавшие кругом больших озер Онежского (до самого Белого моря по рекам Выгу и Суме), Ладожского (до Финского залива) и озера Ильменя (со всем течением его южных рек: Шелони, Полисти, Ловати и Мсты). Кроме того, своим же новгородцы считали и водораздел между Мстой и Мологой⁷. На этом обширном пространстве, разделенном на пять «пятиг»⁸, существовало небольшое количество поселков городского типа. На западе это были «пригороды» с сильными крепостными сооружениями против вторжений иноземцев, но с малолюдным (в 100–200 дворов) населением⁹. Исключение составляли только крупные города Старая Руса (так в тексте. —В.М.) и Псков¹⁰. В центре и на востоке Новгородской области это были «рядки», в которых кругом торгового или промышленного «ряда» группировалось несколько десятков дворов, с населением, кормившимся от мелкой торговли, рыболовного промысла или возки товаров и всякого рода грузов по рекам или «горным» (сухим) путям¹¹. По сравнению с пригородами и рядками сам Новгород и его «младший брат» Псков казались громадными городами: в них было в каждом более 6000 дворов¹². Стало быть, при весьма слабой численности населения страны эти города собирали в своих стенах очень значительную часть населения и тем легче могли распоряжаться делами своих волостей.

В Киевском периоде Новгород был тесно связан с Киевом, чем позже. Единство династии ставило его в политическую зависимость от южнорусских князей, а торговые маршруты скандинавов с севера на Киев и Византию делали Новгород одним из этапов «великого пути из варяг в греки». Новгород получал своих князей и митрополитов¹³, но в середине XII века¹⁴ с распадом династии и упадком южной торговли новгородцы обособились¹⁵. Они получили возможность приглашать князей по выбору веча, а на архиепископство сажать по выбору же веча и по соглашению с митрополитом лиц из местного духовенства. С тех пор Новгород быстро пошел по пути к республиканскому строю и, порвав свои политические связи с Киевом, стал и в торговом отношении на новые пути. Вместо южных рынков он связался с Балтийскими и поставлял на них товары русского Поморья и инородческого севера и востока. Оборот Новгородской

⁷ К владениям Новгорода С. Ф. Платонов относит громадную территорию «от Сужского посада на Белом море до водораздела Западной Двины и Ильменских рек» [Платонов, 1923а, с. 7]. Среди важнейших новгородских территорий ученым названы Заволочье и Двинская земля, Пермский край, волость Печора, Югра, Терская земля.

⁸ Водскую и Шелонскую к западу от центральной линии, образуемой Ильменем и Ловатью, и Обонежскую, Деревскую и Бежецкую на востоке [Платонов, 1999а, с. 186].

⁹ В ряде работ С. Ф. Платонов пишет о редких населенных пунктах. В Изборске, Копорье насчитывалось от 150 до 200 дворов. Поэтому земля Новгородская казалась «пустынной и слабо заселенной».

¹⁰ В лекции, прочитанной в Новгороде в 1909 г., С. Ф. Платонов говорил, что Псков и Старая Русса «выделялись своим размером», а численность жилых дворов в XVI в. составляла в первом около 6000, а во втором — 1500 [Лекция профессора Платонова в г. Новгороде].

¹¹ «Изучение торговых путей при знакомстве с новгородской жизнью должно всегда стоять на первом месте» — этот важный вывод был сделан исследователем еще в знаменитых «Очерках» [Платонов, 1995, с. 43]. Чтобы понять хозяйственную жизнь Новгорода, нужно начинать с изучения торговых путей, утверждал ученый.

¹² По сведениям С. Ф. Платонова, в 1543 г. Новгород насчитывал 5300 дворов, Псков (без посадов) 6500, Старая Русса 1473 двора [Платонов, 1900, с. 11–12; Лекция по русской истории, с. 8]. В одной из лекций С. Ф. Платонов говорит, что численность населения в период расцвета Новгорода доходила до 6000 жилых дворов [Платонов, 1999а, с. 186]. В 1546 г. (именно в этом году Иван IV путешествовал по Новгородской земле с младшим братом Юрием), по мнению исследователя, Новгород насчитывал 5000 дворов. Затем численность городского населения снизилась до 1000 дворов в 1582 г.

¹³ Вероятно, здесь допущена неточность, митрополит в это время был один — Киевский. 26 января 1589 г. Новгородская архиепископия была возведена в ранг митрополии, но ее территория — в то время самая обширная в Русской церкви — была урезана путем выделения самостоятельной Псковской епархии. О епископах С. Ф. Платонов пишет и в «Лекциях»: «в Управлении Новгорода большое значение имеет епископ (позднее архиепископ) — высшее духовное лицо», «...новгородцы всегда сами избирали епископов...» [Платонов, 1994, с. 133–134].

¹⁴ В истории Новгорода С. Ф. Платонов замечает с середины XII в. особенности, которых нет в других частях Руси.

¹⁵ Образование же Новгородского государства ученый относит к XIII в., «когда сложились основы политической самостоятельности и территория» [Платонов, 1923а, с. 13].

торговли был довольно сложен. Почти вся новгородская область была неплодородна и не давала хлеба¹⁶. За ним приходилось ездить на Волгу и Оку и там его покупать или за него платить товарами с Запада, откуда Новгород получал ткани, металлические поделки, вино и бакалею¹⁷. На Запад же Новгород поставлял в обмен сырье всякого рода: меха, воск и мед, ворвань, моржовую кость, серебро и восточный шелк в сыром виде¹⁸. За этим сырьем новгородцы ездили по Волге на восточные рынки и за большие озера, в области Русского Севера, в Поморье, где находились их займки, называемые «землями новгородскими». Новгородцы не могли, конечно, сплошь [завоевать силою столь обширные земли. Они основывали в них свои колонии, занимали места для промыслов, покупали земли у инородцев, живших там, кабелили этих инородцев (лопарей, карелов, самоедов) и таким образом становились хозяевами севера. Для заселения занятых там земель и для устройства промыслов новгородские промышленники отправляли на север отряды своей челяди, которая и закрепляла за своими господами, «боярами», огромные пространства диких земель с рыбными ловлями, соляными варницами и разными лесными и морскими охотничьими промыслами. За боярскою челядью шли на север отряды свободных новгородцев для промысла, а иногда и для грабежей и насилий над мирными и слабыми инородцами. Весь Русский Север был таким образом освоен новгородцами, и они считали его области своей политической собственностью. В договорах с князьями они называли, как принадлежащие Новгородскому государству, «земли»: Заволочье, Двину, Печеру, Югру, Тре, Мурман]¹⁹.

Как новгородским торгом, так и колонизационными предприятиями на севере руководили новгородские бояре и «житьи люди»²⁰. Это была аристократия капитала, ставшая на месте прежней княжеской аристократии. Она владела большими пространствами земли как в «пятинах» (в виде хуторов с мелким хозяйством²¹), так и в «землях» (в виде промысловых угодий). Она хозяйничала на новгородском рынке, снабжая товарами и деньгами новгородских «купцов» (собственно торговцев). Она, наконец, главенствовала в управлении государством, выделяя из своей среды высшую администрацию («бояр»). Органами власти и управления в Новгороде были вече и правительственный совет, под наблюдением которых действовали князь с его дружиною, посадник и тысяцкий с их старостами и сотскими. Верховная власть принадлежала вечу. Оно [избирает князей и изгоняет их; избирает владык и в случае недовольства ими сводит их; избирает и увольняет прочих сановников; устанавливает новые законы, утверждает договоры с иноземцами, решает вопросы о войне и мире; судит важнейших лиц и важнейшие дела. Словом, новгородское вече направляет всю политическую жизнь Новгорода и его земель²². Местом собрания веча бывал «Ярославов двор» (площадь у торгова на Торговой стороне) или же площадь в Детинце у Св. Софии. На вече шел всякий свободный гражданский новгородец. Могли идти и жители пригородов, приезжавшие в Новгород²³. Дела на вечах решались общим криком (предполагалось — единодушно). На современный взгляд, этот способ кажется странным и беспорядочным. Чтобы понять его, надо помнить, что Новгород состоял из нескольких общин — «концов», делившихся, в свою очередь, на меньшие общины — «сотни» и «улицы». На вечах члены этих общин группировались, конечно, вместе и легко могли высказать мнение

¹⁶ Поэтому «земледелие для новгородцев было все-таки только подспорьем, а главные их усилия были направлены на иную добычу» [Платонов, 1923а, с. 13].

¹⁷ В более ранних работах называются еще сукно, пряности, драгоценные металлы.

¹⁸ Иногда указывается и соль.

¹⁹ Здесь и далее печатные вставки приводим в квадратных скобках.

²⁰ Об этом он писал и ранее, когда указывал, что почин и руководство колонизационным движением Новгорода на Север принадлежали верхним слоям новгородского общества — боярству и житьим людям. В «Лекциях» С. Ф. Платонов делит новгородское население на 3 класса: высший класс — бояре, средний — житьи люди и купцы и низший — черные люди [Платонов, 1994, с. 137].

²¹ «Эти волости были составлены сплошь из мелких земледельческих и промысловых хозяйств и, постепенно размножаясь, распространялись в виде таких же мелких «починков», крестьянских заимок» [Платонов, 1923а, с. 12].

²² Ранее исследователь писал о вече как о «верховном распорядителе и законодателе для всего государства» [Платонов, 1923а, с. 8].

²³ В. О. Ключевский указывал, что «на вечернюю площадь бежал всякий, кто считал себя полноправным гражданином» [Ключевский, с. 387]. М. К. Любавский полагал, что на «вече собирались все свободные граждане — бояре, житьи люди, купцы, игумены, попы и черные люди, главы семей» [Любавский, с. 300].

каждой общины. А из суммы этих мнений и составлялось мнение веча²⁴. Стало быть, не было нужды считать отдельные голоса людей, составлявших тысячную толпу: надо было только убедиться, что все общины, составлявшие Великий Новгород, сошлись на том или другом решении. В случае их согласия дело считалось решенным. Если же согласия не достигали, то ссорились и даже дрались. Иногда из одного веча образовывалось два взаимно враждебных. Начиналось междоусобие: всего чаще на мосту через Волхов сходились враги для боя, и тогда владыка новгородский с духовенством спешил мирить их]. При таком строе понятно, что вече не могло обсуждать дел; оно могло только решать их²⁵. Для предварительного же обсуждения и доклада дела вечу существовал особый правительственный совет из посадников и тысяцких, как тех, которые в данную минуту состояли в должности («степенных»), так и тех, кто уже оставил должность («старых»). Совет этот новгородцы называли «господою», немцы, торговавшие с Новгородом, звали его «Herren». Чем далее шло время, тем влиятельнее становился этот аристократический совет и тем более никла в Новгороде княжеская власть. Нуждаясь в князе, как в боевом защитнике и в справедливом посреднике среди усобиц, который бы ни от кого не зависел, «любил добрых и казнил злых», новгородцы в то же время очень боялись, чтобы князь не обратил своей власти и силы против Новгорода. Они ставили его в положение постороннего Новгороду, иноземца; обязывали его и его людей не покупать в новгородских владениях ни земли, ни челяди и не торговать с иноземцами без посредничества новгородских купцов. Резиденция князя была не в самом Новгороде, а в подгорном селе Городище. Управлял и судил князь с постоянным участием и контролем посадника, не имея права ни на одну должность назначить своего дружинника. Словом, в ту минуту, когда вече «показывало князю путь из Новгорода», то есть отказывало ему от власти, он сразу терял всякую связь с Новгородом и сейчас же мог уйти.

Правительственный аппарат в Новгороде, как он сложился к XIII–XIV в., обратил Новгород в торговую республику, жившую интересами рынка. Этот рынок был международным, и в его работе новгородцам принадлежала не только пассивная роль. Они проникали далеко на юг и восток до Черноморья и мусульманских стран Востока. На Западе же они посещали гавани ближайшего Балтийского побережья (Ригу, Ревель, Нарву). Но с глубокой древности и до конца новгородской самобытности западные соседи Новгорода оказывались в торговых сношениях более активными. Скандинавские и «готландские» (с острова Готланда) купцы всегда гостили в самом Новгороде. Они имели там свой особый «готский двор». Позже там возник второй двор «немецки», принадлежавший ганзейским купцам и купцам из Любека во главе. Ганза неохотно пускала, старалась даже вовсе не пускать русских купцов в свои гавани и стремилась ограничивать товарообмен одним Новгородом, почему немецкий двор в Новгороде получил особое развитие. Он представлял собою укрепленную факторию с вооруженной стражей, с киркой и торговыми складами, с определенным статутом («скра»), определяющим порядок жизни, двора. Против этой организованной торговой общины Новгород противопоставлял свою организацию. Его торговый класс работал под руководством немногочисленного круга «бояр», владевших торговым капиталом своего города. Бояре ставили себе в подчинение, точнее — в зависимость, новгородских «купцов», которым они давали деньги и товары для оборотов на рынке. Эта среда капиталистов и торговцев держала в своем распоряжении народный труд как в самом городе, так и на промыслах и торговых путях по всей Новгородской области. Немцы в торговых сношениях с Новгородом имели против себя контрагентов, умевших договорами охранять свои права и интересы. «Die Herren», то есть правительственный совет новгородский, во все эпохи представлял собою на чужой глаз единое государство. Но чем дальше шло время, тем яснее становился тот внутренний распад, который вел Новгород к гибели.

Распределение богатств в Новгороде стало чрезвычайно неравномерно уже к началу XV века. Бояре сосредоточили в своих руках огромное количество хозяйственных участков в пятинах, обратив их рабочее

²⁴ В. О. Ключевский находил, что вече имело «анархический характер», поэтому «не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования» [Ключевский, с. 389]. Аналогичную позицию занимал и М. К. Любавский, когда писал, что «правильного обсуждения и голосования в многотысячной толпе, конечно, не было» [Любавский, с. 300]. Еще ранее на «архаический» состав веча указывал Н. И. Костомаров. В работах 20-х годов XX в. С. Ф. Платонов приходит к мнению, что вече «слагалось не из отдельных лиц и не представляло собой беспорядочной тысячной толпы» [Платонов, 1923а, с. 8].

²⁵ Эта особенность вечевой организации, подмеченная С. Ф. Платоновым, не была указана другими учеными, в частности Н. И. Костомаровым, В. О. Ключевским, М. К. Любавским.

земледельческое население («смердов») в бесправных съемщиков чужой земли. На многочисленных промысловых заимках севера на бояр работала их «челядь» (рабы). Резкая грань отделяла небольшую горсть богачей, бояр от прочего жившего в бедности населения. Даже «купцы», фактически ведшие новгородскую торговлю, не принадлежали к этой горсти. Нечего говорить о прочих «меньших людях»: ремесленниках, городских рабочих и сельских «половниках» (работавших из половины или части урожая). Экономическая зависимость достигала столь острых форм, что вызывала острые вспышки междоусобий. Междоусобия всегда бывали в Новгороде, но в первые века его самостоятельности они имели совсем иной характер, чем в последующие XIV—XV столетия. Ранее новгородцы ссорились из-за того, какого князя пригласить на новгородский стол, или из-за того, менять ли посадника, провинившегося по должности. Подымы были случайны и внезапны. В 30-е годы XII столетия смуты длились не один год и привели Новгород к ряду важных перемен: некоторые исследователи готовы назвать их демократической революцией, передавшей власть из рук князя в руки веча. О боярах при этом нет упоминаний. У позднейших смут один мотив — вражда к боярам «меньших людей». Это — движения черни против господ и в основе острое социальное недовольство. Вече новгородское выродилось в беспорядочное скопище, ставшее орудием боярских партий или же стихийной разрушительной силой. Бояре ходом истории получили привычку управлять Новгородом по своей воле и, обходя закон и право, нажимали на зависимую от них бедноту, приводя дело к тому, что на вечах эта беднота поневоле решала дела так, как того хотели бояре. Однако такая житейская [зависимость очень раздражала новгородскую чернь и делала ее беспокойною. Вечевую толпу легко можно было поднять на тех бояр, которые казались ей утеснителями, и тогда «худые мужики вечники» начинали бить и грабить своих «лучших людей», а затем снова впадали в прежнюю от них зависимость. Мало-помалу вражда больших и меньших людей новгородских получила чрезвычайную остроту, и Новгород в XV веке впал в тяжелую непривычную смуту. Боролась между собою не только бояре и чернь, но и одни боярские семьи с другими. В надежде овладеть властью в Новгороде честолюбивые бояре сближались с недовольною толпою, поднимали ее против других бояр, их соперников, и начинали открытое междоусобие, сопровождаемое грабежами и убийствами]. Смутами в Новгороде не раз пользовались соседние государства, Москва и Литва, пока, наконец, Москва не сумела вовсе подчинить себе Новгород²⁶.

(РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Л. 39—47)

²⁶ В лекции, прочитанной в Новгороде, исследователь пишет, что «боярщинок за боярами осталось от 5 до 10%, а около 90% взято на великого государя» [Платонов, 1916, с. 8]. Начавшиеся в XV в. смуты объясняются особенностью «общественного строя» Новгородского государства. Именно смуты привели к ослаблению Великого Новгорода, чем и воспользовалась Москва. Мероприятия московской власти привели к «исчезновению боярского класса», «переменам в землевладении и общественном устройстве», «упадку новгородской торговли». «Окончательное падение» новгородского государства С. Ф. Платонов относит ко времени Ивана Грозного (РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5002. Л. 2—3).